

СУБКУЛЬТУРЫ: ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ В МЕНЯЮЩИХСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ

В статье прослеживается изменение аналитического языка субкультурных исследований в контексте трансформаций социальности при переходе от модерна к постмодерну. Выделяются и сравниваются три сменяющих друг друга основных подхода к определению субкультуры: как девиации, как сопротивления, как потребительского стиля. Этот сдвиг рассматривается как следствие глубинных социокультурных преобразований – размывания классовой структуры и ослабления гегемонии единой образной массовой культуры.

Ключевые слова: субкультура, постсубкультура, модерн, постмодерн, класс, девиация, сопротивление, стиль потребления.

Язык социально-гуманитарного знания, с одной стороны, чрезвычайно подвижен, но с другой – весьма консервативен. Ощущая изменения, исследователь не всегда готов заявить новые категории на смену уже существующим. Так, например, во второй половине XX века появляются понятия с приставкой «пост-»: постиндустриальное общество, постмодерн, постмодернизм, а также более локальные: постфеминизм, посткапитализм, постклассовое общество, постколониализм и т. п. Содержательно они малоинформативны, так как указывают не на новую сущность, а лишь на (вероятное) преодоление старой. Некоторые указания на характер новой социокультурной ситуации содержатся в таких формулировках, как «информационное общество», «общество знаний», «общество потребления» и др.

Подобная судьба сложилась и у пережившего свои взлеты и падения термина «субкультура». Его зарождение и бытование свя-

зано с развитием общества модерна – индустриальной городской буржуазной культуры – и становится в особенности актуальным после Второй мировой войны, когда базовые социальные и символические основания этой культуры подвергаются изменениям¹. Исследователи последних десятилетий предлагают понятие «пост-субкультура» как позволяющее учесть при анализе субкультурного многообразия специфику современного (постмодерного) состояния социума и культуры.

Цель данной статьи – проследить возникновение и развитие содержания понятия «субкультура» и выявить эвристический потенциал смены языка субкультурных исследований.

В статье в центре внимания оказывается западная традиция изучения субкультур, что обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, отечественная социология оказалась относительно мало чувствительна к методологической рефлексии, в основном развиваясь в русле парсонсианской социологической модели (о которой будет сказано далее). Во-вторых, советские субкультурные исследования находились под сильным воздействием идеологических установок и задач культурной и молодежной политики. Осмыслению субкультур (особенно молодежных) в этом контексте как нельзя лучше отвечали функционалистские категории «нормы» и «девиации». За исключением отдельных исследований (Т.Б. Щепанской², Е. Омельченко³) большинство работ по субкультурам все еще носят описательный характер в рамках структурно-функционалистской парадигмы⁴. Кроме того, западные исследования, специально посвященные субкультурам, остаются большей частью малоизвестными, и им не уделяется должного внимания. Таким образом, одна из задач статьи – ввести в оборот ряд имен и концепций, незаслуженно обойденных вниманием в отечественном академическом поле.

В западной литературе существует немало историографических обзоров, посвященных субкультурным исследованиям, выделяющимся в особую область. Одна из наиболее интересных работ, обобщающих историю субкультурных исследований, принадлежит британскому социологу Кену Гелдеру⁵. Субкультура, как пишет Гелдер, является во многом результатом нарратива о субкультуре. В создании субкультур участвуют, с одной стороны, повествования самих ее членов, а с другой – повествования, рожденные в СМИ и академической среде. Гелдер, реконструируя логику подобных нарративов, предлагает выделить шесть наиболее признанных отправных точек для анализа субкультур. Позволю себе их перечислить.

Во-первых, субкультура рассматривается *в рамках классовой логики* – изначально как внеклассовое образование. Во-вторых, *в контексте отношения к труду*: в отличие от нормативного социально полезного труда субкультуры практикуют образ жизни, трактуемый как гедонистический или паразитарный. В-третьих, анализируется *отношение к собственности*: традиционное отношение к частной собственности нередко оспаривается в субкультурах, например, практикуется сквоттерство. Далее, логика *отношения к семье и частной жизни*: субкультуры обычно рассматриваются вне семейного контекста и традиционных ролей, субкультурная жизнь разворачивается за пределами семьи. Следующий подход рассматривает субкультуру в терминах *эксцесса, преувеличения, вызова* – прежде всего в области стиля (выбор одежды, музыки, манеры поведения). Наконец, субкультуры *противопоставляются массовой культуре* как результат недовольства ею⁶.

Следует заметить, что названные подходы, или логики, не являются изолированными и зачастую могут быть соотнесены между собой.

Субкультурные исследования – часть социологии культуры, которая, в самом общем плане, изучает соотношение между социальным и культурным (символическим) порядками. Представления о структуре социума являются определяющей рамкой дискурса о субкультурах. В меньшей степени такой рамкой можно назвать представления о «культуре». В основном здесь конкурируют две тенденции: культура, понимаемая как совокупность норм, ценностей и самовоспроизводящийся образец (функциональный подход) и культура как знаково-символическая реальность.

С учетом представлений как о социальной структуре, так и о культуре, можно предварительно выделить следующие интерпретации субкультуры, обладающие собственными языками описания:

- субкультура как девиация;
- субкультура как сопротивление;
- субкультура как потребление.

Субкультура как девиация

К. Гелдер начинает свое изложение истории субкультурных исследований с ее предыстории – погружения журналистов и «фланёров» в елизаветинский «underworld». Функцию субкультур (пока еще вне этого наименования) выполняют здесь социальные низы, выпадающие из производственно-классовой или сословной

структуры общества: это «люмпены», «деклассированные» элементы, низовые социальные группы, не имеющие собственных классовых интересов и самосознания. Приставка «суб-» может прочитываться как отсылка к этому исходному представлению о «подземных», скрытых этажах социума (ср. «андеграунд»).

Начало академическим субкультурным исследованиям положили труды представителей Чикагской школы. Отправной точкой их исследовательского интереса являлась сложная структура индустриального города начала XX века, в которой следовало выделить особую социальность групп иммигрантов, молодежных группировок, уличных банд.

Антропологический по сути подход, характерный для Чикагской школы, сделал субкультуры «видимыми», придав субъектность. Субкультуры при ближайшем рассмотрении предстают как полноценные формы социального объединения, существующие на основе собственных правил, ритуалов и ценностей, предлагающие своим участникам собственный вариант социализации. Таким образом, в отношении субкультур возникают следующие темы:

- субкультуры дают возможность групповой идентичности тем людям, для которых затруднено вхождение в нормативный социокультурный контекст (очень бедные, иммигранты, беспризорники и пр.);
- они предлагают путь выстраивания альтернативной «субкультурной карьеры» (продвижение внутри криминальной группировки, выдвижение в лидеры уличной банды и пр.).

В языке описания субкультур Чикагской школы появляются слова, маркирующие специфику субкультурной социальности: *племя*, *клан* (криминальный), *община*, заимствованные из словаря социальной/культурной антропологии и выражающие характер связей, отличный от связей в «обществе»: *Gemeinschaft* против *Gesellschaft*. Возможно, потребность в установлении социальности подобного рода является одной из причин возникновения субкультур в индустриальном городе. Личный, эмоциональный характер взаимоотношений создает ощущение безопасности внутри города с его отчуждением, атомизацией индивидов, формализацией и институционализацией связей всех типов.

Субкультуры, попавшие в зону внимания Чикагской школы, выступают как побочный продукт капиталистических отношений, социальная компенсация для людей, не вписавшихся в эти отношения. «Маргинальность» и «девиантность» – понятия, введенные Чикагской школой – показывают периферийность по отношению к сложившейся социальной структуре и отклонение

от культурной нормы, разделяемой большинством участников социокультурного процесса.

Развитие теории социальной структуры в американской социологии, в значительной степени наследовавшей социологию Э. Дюркгейма, выразилось в создании целостной теории общества в рамках структурного функционализма.

Сердцевиной структуры общества, по Парсонсу, является социетальная общность – совокупность индивидов и групп, разделяющих общую систему норм и ценностей, ориентирующихся на общий воспроизводящийся образец. Однако социология Парсонса учитывает и существование сверхнациональных (например, мировые религии) и межнациональных (смешанные семьи, мигранты) лояльностей⁷.

Подгруппы общества, как и индивиды, могут разделять нормативно-ценностные представления ядра общества с той или иной степенью лояльности. В этом отношении часть субкультур (Парсонс не пользуется этим понятием, но использует термин «подгруппа», коллектив, отдельно выделяя «ассоциацию» – добровольную самоорганизацию) носят более или менее нейтральный характер (например, профессиональные), другие имеют маргинальный характер (например, мигранты), третьи активно оспаривают нормы и ценности социетальной общности, в связи с чем их можно назвать «контркультурами».

Учение Р. Мертона об определяемых культурой целях и институционально заданных средствах – элементах, различное отношение к которым определяет характеристики групп (в том числе степень и характер девиации), вносит дополнение к идее лояльности групп по отношению к социетальной общности и друг к другу. Если *конформизм* в отношении к целям и средствам присущ социетальной общности, не противоречит ей и *ритуализм*, то для анализа субкультур наиболее адекватны такие формы социальной адаптации, как *ретритизм*, *инновация* и *мятеж*. Ретритизм предполагает отрицание как целей, так и средств и ведет к бегству от действительности – от предъявляемых обществом требований. Если применить эту конструкцию к субкультурам, то к группам подобного рода можно отнести бездомных («бомжей»), бродяг, наркоманов и пр. Использование незаконных способов достижения культурно признанных целей (разновидность «инновации») приводит к формированию криминальных субкультур. «Мятеж» предполагает отрицание как целей, так и средств, одобряемых обществом, и выдвижение на их место собственных: такому определению соответствуют контркультуры⁸.

Несмотря на то, что в целом структурно-функциональная теория не заостряет внимания на классовых отношениях внутри социальной системы, Мертон связывает девиацию с классовым положением: «Антисоциальное поведение в известном смысле “вызывается к жизни” некоторыми общепризнанными ценностями культуры и классовой структурой, сопряженной с различным доступом к возможностям законного, придающего престиж достижения обусловленных культурой целей... Реальное продвижение в сторону достижения символов успеха по общепризнанным каналам является вопреки отстаиваемой нами идеологии открытых классов... относительно редким и затруднительным для тех, кому мешает недостаточное формальное образование и скудные экономические ресурсы»⁹.

Следует отметить еще раз, что социологическое понятие «девиации» не имеет ничего общего с личностными характеристиками: речь идет не о психике, а о социальности, о коллективном феномене, связанном с существованием групп, по той или иной причине не разделяющих преобладающие в обществе нормы и ценности.

Субкультура как сопротивление

Важной линией развития теории субкультуры являются идеи представителей Бирмингемского центра современных культурных исследований. В значительной степени в них разделяется представление о том, что «девиантное» поведение является совершенно «нормальным» в определенных обстоятельствах. Субкультуры послевоенной Британии рассматриваются ими как структурный ответ на изменившиеся обстоятельства жизни.

Взаимосвязанными аспектами культурных исследований стали изучение молодежных субкультур, гендерные исследования, постколониальная идентичность. Лежащая в основе школы идеология «новых левых» побудила исследователей переосмыслить классовое сопротивление в контексте существования и активного формирования субкультур¹⁰. Культура представляется ими в духе теории культуры как многослойное образование, связанное с выражением различных социальных позиций. Культура правящего класса обладает по отношению ко всему культурному многообразию гегемонией, оспорить ее или вступить в конфронтацию с ней могут субкультуры. Так рождается идея «сопротивления через ритуал»: «Через одежду, деятельность, досуговые занятия и стиль жизни они [члены субкультуры] могут разработать иной ответ или

“решение” проблем, поставленных перед ними их материальным и социальным классовым положением и опытом... Они испытывают и отвечают на *те же основные проблемы*, что и другие члены их класса, которые не так сильно отличаются и выделены в “субкультурном” смысле»¹¹.

Сопrotивляющиеся гегемонии «героические» (Магглтон) субкультуры – образ, соотносящийся с более или менее четким представлением о «классе», его границах и интересах. Характерным условием возникновения субкультур этого типа в послевоенное время в Британии является изменение образа жизни рабочего класса, его вовлечение в потребление и размывание классовых границ (включая, например, смену типа жилья). Молодежные субкультуры самоопределяются в этих условиях не только по отношению к доминирующей культуре, но и по отношению к «родительской» культуре рабочего класса (включая конформных представителей рабочей молодежи).

Невзирая на перемены, классовое неравенство сохраняется, становясь при этом менее «видимым». Любопытно, что часть субкультур (тедди-бойз, моды) разделяют тенденцию сглаживания различий. Тедди и моды практикуют потребительские стили, в целом копирующие практики более обеспеченных классов. Если они и «видимы» на потребительской сцене, то скорее в силу гипертрофированного следования стилю. В данном случае логика классового противостояния заменена упомянутой ранее «логикой эксцесса», характеризующей, на наш взгляд, потребительские аспекты молодежной культуры.

На этом фоне выделяются «бунтующие» субкультуры панков и скинхедов, каждая по-своему отражающие процессы, протекающие в классовой структуре общества. Так, появление молодежных контркультур может быть объяснено в контексте движения «новых левых» – как результат разочарования в политических (партии) и социально-экономических (профсоюзы) путях отстаивания классовых интересов. Понимание того, что эти формы борьбы существуют в рамках политической системы, соответствующей капитализму, заставляет молодежь выдвинуть идеи анархизма и сформировать стилистику, бросающую вызов буржуазным ценностям (панки). Эстетика подчеркнутой принадлежности к рабочему классу, свойственная скинхедам, – реакция на процесс размывания классовых границ, идущая в противовес конформистскому стилю тедди-бойз и модов.

На первый взгляд, общее видение места субкультур в культуре в структурном функционализме и работах Бирмингемской школы различаются несущественно. В обоих случаях заявляется суще-

ствование спектра культур отдельных групп, находящихся с доминирующей культурой в отношениях разной степени напряжения. И все же смещение языка от противопоставления «норма – девиация» к оппозиции «гегемония – сопротивление» позволяет задать более заостренную критически исследовательскую позицию.

Важно подчеркнуть, что в субкультурных исследованиях Бирмингемской школы наряду с ценностями и устремлениями групп объектом анализа становится стиль¹². Проблематика стиля оказывается значимой в политическом аспекте – именно на этом поле молодежь в полной мере выражает свою идентичность и символическое сопротивление. В работе Д. Хебдиджа важнейшими понятиями становятся «бриколаж» и «гомология». *Бриколаж*, понятие, заимствованное у К. Леви-Строса, означает использование для создания стиля элементов, заимствованных из различных иных культурных контекстов, их переозначивание и комбинирование. Так, стиль панков включает в себя элементы, заимствованные из повседневной домашней жизни (булавки, бритвы), секс-шопов (кожаные ошейники, сетчатые чулки) и даже школьной жизни (рубашки – но испачканные, порванные, галстуки – но не завязанные). В результате создается образ, наделенный собственным смыслом, хотя и собранный из разрозненных элементов. Единство этого образа обеспечивается в том числе «поддержкой» со стороны музыкальных пристрастий, манеры поведения и стиля жизни, идеологией группы. Такое единство смысла на разных уровнях Хебдидж называет *гомологией*.

Существенным аспектом «сопротивления через стиль» является идеология DIY (Do It Yourself), маркирующая сопротивление субкультуры включению в массовую потребительскую культуру. Отказ от использования институциональных структур массового общества (например, звукозаписывающих студий, подготовленных площадок для выступления, в том числе ТВ-каналов, институтов производства моды) также является формой сопротивления и борьбы. Однако такого рода сопротивление со временем перерастает в конформизм и встраивание в потребительскую культуру: характерен в этом случае пример Вивьен Вествуд и Малкольма Макларена, чей опыт включенности в панк-субкультуру послужил основой формирования бренда: сдвиг от андеграундного существования к миру институциональной моды происходит за одно десятилетие: в 1971 г. Вествуд и Макларен открывают магазинчик с одеждой, ориентированной на субкультуры; в 1976 г. Вествуд создает «эталонную» для панка коллекцию костюмов для «Sex Pistols», в 1981 г., отойдя от стиля «панк», она выходит со своей коллекцией на Лондонскую неделю моды.

Субкультура как потребление

Один из наиболее авторитетных теоретиков постсубкультурных исследований Энди Беннет утверждает сам, а также ссылаясь на иных авторов, что само понятие «субкультуры» должно быть пересмотрено. «“Аутентичные” субкультуры были произведены теоретиками субкультур, а не наоборот. На самом деле популярная музыка и “девиантные” молодежные стили никогда не совпадали так гармонично, как это заявляли некоторые теории субкультур, – цитирует он радикальную постмодернистскую позицию С. Рэдхеда и продолжает. – С моей точки зрения, тем не менее, термин “субкультура” глубоко проблематичен еще и тем, что устанавливает жесткие разделительные линии форм социальности, которые могут быть фактически гораздо более подвижными и во многих случаях более произвольными, чем позволяет концепт субкультуры с его коннотациями согласованности и солидарности»¹³.

Концепт постсубкультуры утвердился в 2000-е годы, хотя сам термин впервые появился в конце 1980-х и получил более широкое употребление в конце 1990-х гг.¹⁴. Его появление отражает как социокультурные сдвиги, так и изменения теоретического языка. Центральной идеей (пост)субкультурных исследований становится представление о меняющемся характере социальности. Речь идет о том, что З. Бауман называет «текущей» современностью. Для формирования нового дискурса о субкультуре, в частности, огромное значение имели формулировки М. Маффесоли о новом типе связи, основанной на эмоциональной потребности: смыслом социальности становятся не инструментальные аспекты, а чувство переживания общности. Маффесоли называет этот эффект «божественным социальным»¹⁵. Маффесоли, говоря о субкультурах, обращается к термину «неоплемена», чтобы метафорически подчеркнуть внерациональный, надындивидуальный характер новых групп. При этом вопрос о месте индивидуальности в процессе функционирования (пост)субкультур является одним из наиболее острых. С одной стороны, вводя дискурс «племени», автор подчеркивает идею деиндивидуализации. Действительно, в племенном сознании человек выступает прежде всего как представитель группы, а не выделенный из нее индивид. В сочетании с аффективностью внутриплеменных связей эта растворенность индивида в группе предполагает «общинную» социальность вместо «общественной». С другой стороны, современные субкультуры, с точки зрения Маффесоли, лишены закрытости, структурированности и ритуализированности «традиционных» племен. Они, напротив,

выстраиваются вокруг индивида, являются результатом его выбора, не остаются неизменными, а обладают временным, «текущим» характером. Не субкультура порождает особую социальность – наоборот, социальность, понимаемая как эмоциональная, магическая связь, порождает неоплемена. В этом смысле источником субкультурной идентичности становится индивид, принимающий как «свои» символы и атмосферу группы.

Эта несколько противоречивая идея высвечивается в оппозиции с понятием «конца социального» Ж. Бодрийяра, который видит в массовизации смерть «общества»¹⁶. У Маффесоли деиндивидуализация и массовизация парадоксально возрождают не общество, но «социальное» – в подвижной и эмоциональной форме¹⁷.

Субкультура, таким образом, перестает казаться чем-то устойчивым, определенным и закрытым. Представление о субкультуре усложняется. Гендерный подход (А. Макробби) ставит вопрос о распределении гендерных ролей в «традиционных» субкультурах и о существовании альтернативных «девичьих» субкультур, осваивающих частное пространство дома и спальни¹⁸. Вообще внимание к соотношению «видимой» уличной жизни и повседневного существования молодежи в условиях дома, семьи, работы ставит под вопрос автономность субкультурной действительности, то есть проблематизирует границы субкультуры.

Важное следствие применения новой парадигмы – уход от признания содержательного наполнения субкультуры. Субкультура перестает быть не только «героической», но и сколько-нибудь ориентированной на цели и смыслы. Ключевым понятием в изучении постсубкультур становится не «ценности», «нормы» или «цели», а понятие «жизненного стиля» (lifestyle). В массовом обществе, ориентированном на потребление¹⁹, опорой социальности становятся стили потребления²⁰. При этом особенностью современной массовой культуры является высокая степень ее дифференцированности, которая затрудняет ее восприятие как унифицированной и доминирующей. Массовая культура предлагает широкий спектр стилей, свободный выбор и смена которых становится основой фрагментарной и подвижной идентичности. В качестве примера, способной стать метафорой, можно привести описание респондентами Э. Беннета клуба, в котором на каждом этаже предлагается различная музыка – от кафе с джазом и хип-хопом в качестве музыкального сопровождения до мелодичного техно этажом ниже и таких разновидностей техно, как хаус и транс, на нижнем этаже; молодежь свободно перемещается между всеми тремя этажами, выбирая ту или иную разновидность музыки и участвуя во всем происходящем²¹.

Если Э. Беннет иллюстрирует новую тенденцию на примере музыкальной сцены (попутно проблематизируя заявленную Д. Хебдиджем «гомологию» музыкального в визуального в субкультуре), то Магглтон в одной из работ делает акцент на выборе внешнего (визуального) выражения стиля. Обращаясь к современной моде как потоку множественных и быстро преходящих образов, он суммирует: «Когда-то молодежные субкультуры иронично трансформировали наиболее наглядные, уникальные и яркие черты послевоенного, “конвенционального” стиля, но в результате их ответ утратил всю остроту благодаря стилистическому и идеологическому включению в мейнстрим. Однако по мере движения от тезиса к антитезису и синтезу теряется различие между мейнстримом и субкультурой, все чрезмерное, становясь обыденным, уже не шокирует; стилистическая гетерогенность доводится до своего предела, и видимость протеста становится просто другой разновидностью моды»²². Магглтон, впрочем, идет дальше, высказывая предположение, что «аутентичных» субкультур, которым удалось избежать соприкосновения с миром мейнстрима (медийными, коммерческими, предпринимательскими структурами), никогда и не было и что действительная идентичность участников «классических» субкультур представляла собой более сложную и гибкую конструкцию, чем это обычно предполагается.

В противоположность идеям Бирмингемской школы в рассмотренной парадигме проблема классового неравенства и доминирования несущественна. Понятие «жизненного стиля» позволяет преодолеть «привязку» к классу. Как пишет Э. Беннет, «полагая экспериментирование центральной характеристикой идентичности позднего модерна, концепт жизненного стиля допускает на самом деле, что индивиды будут также часто выбирать жизненные стили, которые никаким образом не указывают на специфическую классовую подоплеку»²³.

Новому подходу к субкультурам в большей степени отвечает социология вкуса, отсылающая к теоретическим построениям Пьера Бурдьё. Именно на этого автора ссылается видный исследователь субкультур Сара Торнтон, вводя понятие «субкультурного капитала». Как и «культурный капитал» в концепции Бурдьё, хотя и не столь легко, субкультурный капитал может быть конвертирован в экономический: «Диджеи, организаторы клубов, дизайнеры одежды, журналисты в области музыки и стиля и многочисленные профессионалы звукозаписывающей индустрии зарабатывают себе на жизнь с помощью субкультурного капитала»²⁴.

С. Торнтон подчеркивает, что в отличие от тесной связи культурного капитала с классовыми границами субкультурные

различия, напротив, размывают понятие класса. Тем не менее они утверждают собственные границы между «хиповым» и «мейнстримным» (в терминологии Е. Омельченко, разработанной применительно к российской субкультурной сцене, – «продвинутым» и «нормальным» соответственно²⁵). В некотором смысле эта концепция возвращает нас к социологии структурного функционализма: субкультурный капитал используется молодыми для утверждения себя в мире, где у них нет ресурса для «реального» самоутверждения. С. Торнтон замечает, что, несмотря на выражение приниженной позиции в словах *subculture* или *underground*, члены субкультуры в собственном представлении *возвышаются* над мейнстримом: в этом исследователь видит реинтерпретацию социальных отношений в символическом плане.

Вопрос о политическом потенциале субкультур кажется в этом контексте неактуальным: если субкультура – не выражение социальной солидарности, а практика индивидуального выбора стиля, то о выражении некоторого политического интереса (пусть и латентного, как в концепции Бирмингемской школы) речи не идет. Тем не менее этот потенциал некоторые исследователи усматривают в современных молодежных движениях, общая платформа которых едина – это противостояние глобальному капитализму²⁶. Наблюдаются пересечения движений и субкультур, они могут дополнять друг друга, вытекать друг из друга, субкультура может быть результатом или источником социального движения (например, феминизм третьей волны и субкультура Riot Grrrlz²⁷). Общим для субкультур и социальных движений является их отрыв от относительно определенной категории «класса» в пользу временных образований, направленных на достижение конкретной цели (движения) или выражения единства жизненного стиля в данный конкретный момент (постсубкультуры). Эта новая, текучая и внезапно кристаллизующаяся социальность поддерживается новыми технологиями, стимулирующими создание «умных толп» (Г. Рейнгольд)²⁸.

Заключение

Изменения в языке субкультурных исследований могут быть описаны, разумеется, не единственным образом. В нашей статье мы придерживались двух основных «направляющих»: концепции перехода от модерна к постмодерну и анализу представлений о социальной структуре в связи с символическим порядком.

Идеи структурного функционализма – последней «большой теории» в социологии XX века – кажутся предельно адекватными общим установкам эпохи модерна. В них, с опорой на идеи Просвещения, ход истории трактуется как прогресс, культура – как предельное раскрытие человеческой природы в лучших образцах творчества, социум – как свободная ассоциация разумных индивидов, объединенных общими целями, национальное государство – как форма осуществления власти народа. Культура организована иерархически (более и менее значимые области; противопоставление «высокой» и «низкой» культуры), логически упорядочено, нормативно (эталонные образцы – «классика»; эстетические идеалы; «воспитательная функция»). В период второй половины XIX – первой половины XX века складывается идея единой для всех – национальной по содержанию, массовой по форме – культуры. Сословные внутрикультурные границы стираются, нормы и ценности одного из сословий – буржуазии – принимают вид универсальных. Однако в действительности культура не является гомогенной, внутри нее находятся группы, в силу разных причин придерживающиеся иных правил и практик. Потребность в их описании и анализе порождает специфический язык описания, в котором существует «ядро», образуемое социетальной общностью, и периферия, складывающаяся из «маргинальных» и «девиантных» групп. «Норма» и «отклонения» от нее – модель культуры, в полной мере соответствующая установкам модерна.

Контркультуры как разновидность субкультур в этом контексте выполняют роль конкурирующих культурных программ. Однако они тоже порождают «тотальное» мировоззрение и пытаются (наподобие авангардного искусства XX века) заменить доминирующие ценности и нормы собственными – лучшими, более прогрессивными, менее технократическими (яркий пример – хиппи).

Язык, выработанный исследователями Бирмингемского центра современных культурных исследований, интерпретирует субкультуры сходным образом, делая акцент на классовом характере субкультурного сопротивления. Гегемония доминирующей культуры оспаривается, как считают представители школы культурных исследований, в символическом плане за счет стиля, поведения, потребительских предпочтений. Данный подход можно считать переходным, как можно считать переходной и саму послевоенную эпоху. «Героическая» интерпретация субкультур видит в них силу, оппонирующую как родительской культуре рабочего класса, утрачивающей свою идентичность, так и культуре буржуазного мейнстрима. Однако понятие стиля, столь значимое для этой традиции,

принадлежит одновременно и другому языку – языку потребительской активности, потребительского выбора. Субкультуры не «спасают» от вовлечения в массовую культуру, которой они пытаются противостоять, даже DIY-идеология: массовая индустрия подхватывает выработанные внутри субкультур тенденции, имена, продукты и присваивает их²⁹.

Для приверженцев постсубкультурной теории значимы идеи П. Бурдьё: позиция индивида в социальном пространстве определяется французским социологом через множественные параметры (различные виды капитала и деление пространства на относительно автономные «поля») и тем самым лишается жесткой определенности и устойчивости. Скорее такой набор «классовых» параметров, выражающийся в понятии «габитус», вариативен, индивидуален, в силу чего невозможно очертить границы «класса» как «вещи». Именно поэтому субкультурная принадлежность может быть не целостной характеристикой индивида, а «частичной» – еще одной формой капитала, влияющей на социальную позицию, но не определяющей ее.

Еще одна важная сторона постмодерна – возросшая роль потребления, которое оказывается буквально центром социальной жизни. В постсубкультурных исследованиях именно потребительский выбор рассматривается как основа субкультурной идентичности. Важным является именно «выбор», поскольку он подчеркивает примат индивидуального начала над групповым, субкультуры – не «вещи», а формы социального взаимодействия. В целом такая позиция представляется версией социального конструкционизма: именно своим постоянным выбором и воспроизведением субкультурных практик индивиды формируют субкультуры. Современные исследователи ретроспективно проблематизируют и «содержательные» субкультуры прошлого: критике подвергаются идеи гомогенности и единства субкультур. В то же время, на наш взгляд, не следует отказывать субкультурам модерна в хотя бы относительном смысловом единстве: оно оправдано (относительной) монолитностью доминирующей культуры, по отношению к которой группы должны самоопределяться. Чем жестче заявлены «ядерные» ценности, тем радикальнее должен быть бунт против них. Ситуация постмодерна принципиально иная: распад культурных иерархий лишает тот или иной субкультурный выбор характера оппозиционности. Многочисленные стили сосуществуют на равных; элементы различных по характеру стилей перемешиваются и комбинируются. Понятие субкультуры все чаще относится не к целостному образу жизни и мировоззрению, а к досуговым практикам (офисный клерк – байкер в часы досуга), «клубам по интересам» (футбольные

фанаты), виртуальным сообществам (геймеры). Субкультурная идентичность не заменяет, а лишь дополняет вполне включенное в мейнстрим социальное существование. В деиерархизированном, мозаичном культурном пространстве нет нужды вырабатывать новые смыслы, достаточно осуществить выбор из предложенных вариантов. Иногда этот выбор трактуется исследователями как гедонистический, но не следует забывать, что субкультура – это всегда форма социальности. Эвристический потенциал (пост) субкультурных исследований состоит как раз в том, что рефлексия понятия «субкультура» позволяет отследить новые формы социокультурного взаимодействия, новые социокультурные практики и, в конечном счете, меняющиеся значения социального.

Примечания

- ¹ Самые существенные перемены – разрушение сложившихся культурных иерархий. В знании – отказ от «больших повествований» (Лиотар), в социальной структуре – «восстание меньшинств» (Л.Г. Ионин), релятивизация моральных и эстетических ценностей. Эти перемены оказали существенное влияние на трансформацию содержания субкультур, как будет показано далее.
- ² *Щепанская Т.Б.* Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004.
- ³ *Омельченко Е.Л.* Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.
- ⁴ *Левикова С.И.* Молодежная субкультура: Учеб. пособие. М., 2004; *Луков В.А.* Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 79–87; Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2009.
- ⁵ *Gelder K.* Subcultures: cultural histories and social practice. L.; N. Y.: Routledge, 2005.
- ⁶ *Ibid.* P. 3–4.
- ⁷ *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997. С. 25.
- ⁸ *Десмонд Д., МакДонах П., О'Донохоу С.* Контркультура и потребительское общество // Массовая культура: современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 267–307.
- ⁹ *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 307–308.
- ¹⁰ О политической программе британских культурных исследований см.: *Курентной В.* Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1 (85). С. 14–79, в том числе о субкультурных исследованиях этой школы – с. 58–68.
- ¹¹ *Resistance through Rituals / Ed. by S. Hall, T. Jefferson.* 2nd ed. L.; N. Y.: Routledge, 1993. P. 15.

- ¹² Ключевая работа по этой проблеме: *Hebdige D.* Subculture: The Meaning of Style. L.; N. Y.: Routledge, 1988.
- ¹³ *Bennett A.* Subcultures or neo-tribes? Rethinking the relationship between youth, style and musical taste // *Sociology*. 1999. Vol. 33. № 3. P. 599–617.
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ *Маффесоли М.* Околдованность мира, или Божественное социальное // Социологос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 274–283.
- ¹⁶ «...масса есть то, что остается, когда социальное забыто окончательно» (*Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 11). Также существенно противопоставление массы более определенным (хотя также в той или иной степени иллюзорным), с точки зрения Бодрийяра, концептам «класса» или «народа».
- ¹⁷ *Weinzierl R., Muggleton D.* What is “Post-subcultural studies” anyway? // *The Post-subcultures reader* / Ed. by R. Weinzierl, D. Muggleton. Oxford: Berg, 2003. P. 9.
- ¹⁸ *Макроби А.* Феминизм и молодежная культура: от журнала «Джеки» до «Уже 17» // Омельченко Е.Л. Указ. соч. С. 189–204.
- ¹⁹ Потребление, по Бодрийяру, заменяет производство в качестве ключевого процесса, организующего социальность (*Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2009).
- ²⁰ В 2000-х годах в результате формируется понятие «brand tribes» – племена вокруг брендов. Сходная идея, однако, высказывалась и ранее (см., например: *Бурстин Д.* Сообщества потребления // *THESIS*. 1993. № 3. С. 231–255).
- ²¹ *Bennett A.* Op. cit. P. 611–612.
- ²² *Магглтон Д.* Пост-субкультуралист // «Культурка». Сайт Веры Зверевой [Электронный ресурс]. URL: http://culturka.narod.ru/Postsubcult.htm#_ftn1 (дата обращения: 28.09.2015).
- ²³ *Bennett A.* Op. cit. P. 607.
- ²⁴ *Thornton S.* Club cultures: Music Media and Subcultural Capital; цит. по: *The sub-culture reader* / Ed. by K. Gelder. 2nd ed. N. Y.: Routledge, 2005. P. 187.
- ²⁵ *Омельченко Е.Л.* Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 4 (36).
- ²⁶ *Weinzierl R., Muggleton D.* Op. cit. P. 13–16.
- ²⁷ *Soccio L.* From Girl to Woman to Grrrl: (Sub)Cultural Intervention and Political Activism in the Time of Post-Feminism // University of Rochester [Электронный ресурс]. URL: http://www.rochester.edu/in_visible_culture/issue2/soccio.htm (дата обращения: 28.09.2015).
- ²⁸ *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006. С. 225–257.
- ²⁹ Сложно удержаться от цитаты из «Поколения П» В. Пелевина: «В области радикальной молодежной культуры ничто не продается так хорошо, как грамотно расфасованный и политически корректный бунт против мира, где царит политкорректность и все расфасовано для продажи».